

языков»<sup>1</sup>. Салары и желтые уйгуры в течение многих веков живут в тесном взаимодействии с окружающим китайским населением и испытывают на себе интенсивное влияние китайского языка<sup>2</sup>. Не является ли отмеченная черта спряжения в этих языках результатом воздействия аналитического строя китайского языка? В силу своих особенностей язык *saŋu juŋu'*ов представляет значительный интерес для тюркологов.

Выход в свет рецензируемого труда С. Е. Малова «Язык желтых уйгуров» — выдающееся событие в тюркологии. Надо заметить в то же время, что книга «Язык желтых уйгуров» опередила издание интереснейших текстов по этому языку, также собранных С. Е. Маловым. Было бы целесообразно вместе с изданием текстов переиздать словарь и грамматику, чтобы установить единую их транскрипцию; было бы необходимо также увеличить тираж этой недавно напечатанной и ставшей уже редкостью книги.

Э. Р. Тенишев

<sup>1</sup> С. Е. Малов, Древние и новые тюркские языки, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 2, стр. 142; е го же, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.—Л., 1951, стр. 7.

<sup>2</sup> См. об этом: Э. Тенишев, О языке саларов (отчет о поездке), Пекин, 1957 (рукопись); е го же, О языке *saŋu juŋu'*ов (отчет о поездке), Пекин, 1958 (рукопись).

**Н. С. Петровский. Египетский язык. Введение в иероглифику, лексику и очерк грамматики среднеегипетского языка,** под ред. акад. В. В. Струве. — Л., 1958. 329 стр. (ротапринт).

Выход в свет этой работы является значительным фактом в нашем отечественном востоковедении: до сих пор на русском языке как до октября 1917 г., так и после него фактически египтологической лингвистической литературы не существовало. Этот весьма существенный пробел в нашей науке заполняет книга Н. С. Петровского, являющаяся первым шагом на пути к созданию такой египтологической литературы на русском языке.

Книга Н. С. Петровского задумана как учебное пособие. В предисловии автор сообщает: «по замыслу автора настоящая книга должна явиться первой частью всего труда. В дальнейшем предполагается издание хрестоматии с лексическими и грамматическими упражнениями... Словарь среднеегипетского языка (преимущественно для „Хрестоматии“) должен составлять третью часть» (стр. XIII—XIV). Следует с негерпением ожидать появления хрестоматии и словаря, которые дополнят первую часть работы. Необходимость такой работы давно назрела, а значимость ее в наше время особенно усилилась в

связи с ростом и углублением дружественных и культурных связей между советским народом и народом современного Египта.

Особенностью книги Н. С. Петровского является ряд новых и оригинальных точек зрения на отдельные грамматические явления, и поэтому она, говоря словами В. В. Струве, «представляет не просто учебное пособие в самостоятельном научном изложении материала..., но и очень интересный, будничный мысль научный труд» (стр. VII). Особенное внимание египтолога-филолога привлекут те места этого труда, в которых автор рассматривает природу египетского глагола (с 98—102).

Отметив, что египетскому глаголу по существу чужда категория времени и что он в основном выражает способ действия, автор указывает, что категория способа действия египетского глагола распадается на пять способов действия: 1) однократное действие («перфектный» *šdm. f.*); 2) многократное действие («имперфектный» *šdm. f.*); 3) завершенное действие (форма *šdm. n. f.*); 4) неопределенное действие («старый перфект») и 5) неопределенное действие (ипфигитив).

Автор рассматривает эти способы действия совместно с категорией их отрицания и в итоге приходит к гипотетическому выводу, что ведущими способами действия являются завершенное действие и многократное действие. Изложив свои взгляды, автор указывает, что, несмотря на их дискуссионность, они все же могут обосновать некоторые факты языка, которые раньше оставались трудно объясняемыми. Мы не можем здесь входить в подробный разбор и оценку этих взглядов; отметим лишь, что в своей совокупности они представляют собой несомненный интерес для исследователя, как новый подход к сложным проблемам египетского глагола.

Ново также проведенное автором сравнение египетской глагольной формы *šdm. t. f.* с аккадским перфектом, образующимся при помощи инфикса *ta*: этот инфикс, действительно, весьма близок к форманту *t* формы *šdm. t. f.* Автор предполагает наличие общности между египетской и аккадской глагольными формами.

Интересно описание и объяснение глагольной формы, обычно известной под названием «старый перфект» или псевдо-партицип. Автор считает название «старый перфект» не подходящим к ней, так как таковую функцию, по его мнению, выполняла форма *šdm. t. f.* (см. выше). Старый перфект, который автор называет глагольной формой качества и состояния, по его наблюдению является отглагольным наречием, т. е. египетским деепричастием. Ее значение автор иллюстрирует сравнением с русскими деепричастиями прошедшего времени, например *ушедши* и т. п.

Описывая трудности нашему восприятию грамматические особенности египетского глагола, как, например, усложненную

конструкцию причастий страдательного залога и усложненную конструкцию относительных форм, автор вводит в эти описания меткий термин — «направление действия», указанное предлогом. Благодаря этому в значительной степени облегчается понимание сущности этих конструкций.

В разделах книги, рассматривающих другие части речи, также можно найти интересные мысли и предположения. Так, например, говоря о междометиях, автор подчеркивает, что это единственная категория служебных слов, которые в письме имели определители (детерминативы). По убеждению автора, они «выражали не только симптомы, но и определенное понятие чувства и побуждения (не пазывая его!), на что указывает их определитель, свойственный, например, глаголам отношения и желательности» (стр. 262). Удачно предлагаемое автором деление сложноподчиненных предложений на одночленные, т. е. такие, в которых «управляемое (придаточное) предложение несет функцию одного из членов главного предложения», и двучленные, в которых главное и придаточное предложения имеют свои главные члены.

Оригинально также написан раздел о египетской лексике. Автор правильно отмечает «чрезвычайную конкретность мышления египтян и отсюда точность и конкретность слов и выражений»; привлекает к себе внимание его мимолетное, но вполне правильное замечание о том, что «выделение синонимов и, главное, решение вопроса, какие стороны одного понятия отражены синонимами, имеет большое значение, особенно в случае общезначимо-экономических терминов» (стр. 77), и т. д.

В параграфе о заимствовании египетских слов другими языками читатель с интересом прочтет данные, показывающие египетское происхождение русского глагола *скитаться*, и на ряде других при-

меров убедится в серьезности вклада египетской лексики в сокровищницу мировой культуры.

Мы не можем сейчас остановиться на всех разделах интересной книги Н. С. Петровского, написанной с большим знанием дела. Укажем, однако, на одну неточность. Сомнительно, например, заявление, что демотический язык был промежуточной ступенью между новоегипетским и коптским: приведя это утверждение, автор ссылается на работу Б. А. Тураева<sup>1</sup>. Но работа Б. А. Тураева была опубликована в 1920 г., а в 1925 г. К. Зете установил, что демотический язык был последней ступенью развития новоегипетского и что коптский язык не потомок демотического, а разговорный язык египетского народа тех времен, когда демотический был литературным и письменным языком страны<sup>2</sup>.

Правда, таких неточностей в книге Н. С. Петровского мало, и они ни в какой мере ее не обесценивают. Редактор книги В. В. Струве в своем предисловии отметил, «что некоторая недостаточность иллюстративного и справочного аппарата, выражающаяся в отсутствии индекса, ограниченном количестве примеров, в отсутствии указаний на источник последних и т. п., вызвана лишь требованием в виде первого опыта издать сжатый, краткий курс египетского языка». Несмотря на это, труд Н. С. Петровского является весьма ценным вкладом в нашу отечественную науку и будет встречен нашей научной общественностью с большим интересом.

М. А. Коростовцев

<sup>1</sup> См. Б. А. Тураев, Египетская литература, т. I. М., 1920, стр. 229.

<sup>2</sup> См. K. Sethe, Das Verhältniss zwischen Demotisch und Koptisch und seine Lehren für die Geschichte der Ägyptischen Sprache, «Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft», Bd. 79, 1925.

## СТРУКТУРАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА С. УЛЬМАНА

Структурализм не является законченной лингвистической теорией, так как семантический аспект языка не изучался систематически и всесторонне ни представителями Пражского лингвистического кружка, ни последователями Л. Ельмслева, ни сторонниками дескриптивной лингвистики Л. Блумфилда. В трудах основоположников структурализма имеются лишь отдельные отрывочные замечания по вопросам семантики, лишенные внутреннего единства<sup>1</sup>. Их противоречивость объяс-

няется тем, что одни ученые исходят из представления о системности семантических явлений и поэтому склонны рассматривать семантику как лингвистическую дисциплину (ср. Ф. де Соссюр, Н. Трубецкой, отчасти В. Брэндалл), а другие отрицают системность семантики и поэтому исключают ее из области лингвистики (Л. Блумфилд, Л. Ельмслев). Единственная известная нам попытка создать законченную структуральную теорию семантики

penhague, 1950—1951, стр. 58; V. B r ø n d a l l, Essais de linguistique générale, Copenhague, 1943, стр. 118; N. S. T r o u b e t z k o y, Principes de phonologie, Paris, 1949, стр. 3.

<sup>1</sup> См. Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 124; Л. Ельмслев, Структуральный метод в лингвистике, «Acta linguistica», vol. VI, Co-